

посредники дают одинаковый результат. Но когда язык-источник воздействует в одном, а оба языка-посредника в другом направлении, то эстонская форма совпадает с языками-посредниками. Если и бывает наоборот, то лишь как редкие исключения, относящиеся к экзотизмам или очень специальным терминам. Влияние языка-источника сохраняется, если форма первоисточника поддерживается одним из языков-посредников. Весьма характерны в этом отношении заимствования латинского происхождения. Нередки и такие случаи, когда один элемент иностранного слова перенят из одного, другой — из другого языка. Влияние языка-источника на заимствования разного происхождения различно. В заимствованиях испанского происхождения такое влияние, например, очень невелико, тогда как в словах, происходящих из античных языков и английского, оно проявляется гораздо сильнее.

Рассмотрев соотношение языков-посредников, Э. Райет приходит к заключению, что наибольшее влияние на эстонский язык оказал немецкий. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что в немецком языке заимствования более точно воспроизводят форму языка-источника, тогда как в русском языке больше своеобразных соответствий и словесных форм. Кроме того, необходимо принять во вни-

мание и то, что в период, когда имело место массовое заимствование иноязычных слов, особенно во второй половине XIX столетия, в Эстонии господствовали немецкий язык и немецкая культура. Основным периодом проявления русского влияния автор диссертации считает время начиная со второго десятилетия XX века. Период 1920—1940 годов при этом отличается противоречиями. С одной стороны, наблюдалось стремление вытеснить наиболее язык русизмы, а с другой стороны, продолжалось закрепление скрытых русизмов (иностранные слова французского, английского, итальянского и латинского происхождения в русской форме).

В заключении своего исследования Э. Райет излагает выводы и общие закономерности, вытекающие из предшествующего анализа.

Работа Э. Райета имеет большое практическое значение для дальнейшего фиксирования форм иностранных слов в эстонском литературном языке. Это исследование представляет также значительный общелингвистический теоретический интерес в освещении взаимоотношений между языками. Кроме того, оно помогает определить характер и общие черты развития одной из областей лексики для истории эстонского литературного языка последних 70—80 лет.

ЭЭВА АХВЕН (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1967.1.18>

ДВЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ФИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Paul Alvre, *Morfologis-äännehistoriallinen tutkimus monikvartalon muodostuksesta suomessa verrattuna sukukieliin. Dissertatsioon filoloogiateaduste kandidaadi kraadi taotlemiseks, Tartu 1966.*

А. И. Муллонен, *Глагольные односоставные предложения в финском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1966.*

14 апреля 1966 г. на заседании Совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита двух кандидатских диссертаций, посвященных вопросам грамматики финского языка. Это были работы эстонского финно-угроведа Пауля Алврэ

«Образование множественного числа в финском языке в плане сравнения с другими родственными языками (морфолого-фонетическое исследование)» и научного сотрудника Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР Анны-Марии Ивановны Муллонен

«Глагольные односоставные предложения в финском языке». Официальными оппонентами были в первом случае доктора филологических наук, профессора П. Аристэ, А. Каск и В. Алттоа (все из Тарту), во втором — П. Аристэ, кандидат филологических наук М. Э. Куусинен (Петрозаводск) и кандидат филологических наук, доцент Х. Рятсеп (Тарту). Ниже дается краткий обзор диссертаций с учетом высказываний официальных оппонентов и других отзывов.

I. Те или иные точки зрения на образование множественного числа в прибалтийско-финских языках — в том числе и в финском языке — высказывались уже на протяжении более ста лет. Но до сих пор не было обстоятельной монографической работы, в которой подробно и полно освещалась бы основа множественного числа какого-нибудь из этих языков — ее историческое развитие и современное состояние во всей их сложности и многогранности. Теперь таким исследованием стала диссертация П. Алврэ. Объем ее довольно велик (1122 машинописных страницы). Основным главам предшествует вводная часть. Изложив цели и метод исследования, автор дает обзор выражения множественного числа в уральских языках, особо останавливаясь на происхождении множественного числа на *i*. Затем рассматриваются падежные формы множественного числа в прибалтийско-финском языке-основе, а также номинатив множественного числа. Основных глав две: в первой прослеживаются односложные именные основы как в финском, так и в карельском, ижорском, вепсском, водском, эстонском и ливском языках; во второй при рассмотрении дву- и многосложных основ границы исследуемого материала в некоторой степени сужаются — автор ограничивается описанием финского языка, попутно отмечая и соответствующие данные других языков. Глава разделена на части по основам: на *a*; *ä*; *e*; *i*; *u*; *ü*; *o*; *ö*; *oi*; *öi*. За заключением следует индекс типов множественного числа в финском языке.

Как подчеркнули П. Аристэ и А. Аннист, преимущество метода диссертации в том, что возникающие в то или иное время звуковые изменения рассматриваются им не изолированно, а комплексно. Хотя

П. Алврэ опирается и на хорошо отработанный в исторической фонетике сравнительно-исторический метод, его способ трактовки все же отличается известным своеобразием и гибкостью. В подтверждение своих положений, особенно если они касаются современного финского языка, П. Алврэ приводит большой числовой материал. Это — удачное усовершенствование сравнительно-исторического метода, который в таком более эффективном виде может быть применен и в других исследованиях по исторической грамматике.

Материал рассматривается в нескольких аспектах. Прежде всего он разбит по отдельным наречиям и говорам, в которых прослеживаются основы разных типов. В каждой типовой группе материал в свою очередь разделен на подгруппы по отдельным падежам и их признакам. Затем автор дает анализ материала. Здесь явления сгруппированы уже не по диалектам, а по признакам множественного числа. При этом повторно даются наиболее типичные примеры из приведенных в начале. В разделах, посвященных анализу, изложено и происхождение грамматических элементов. Тут же автор приводит факты как современного, так и старинного литературного языка.

Из многих выводов исследования отметим лишь некоторые.

1. Процесс формирования и развития основы множественного числа в прибалтийско-финских языках начался с появлением множественного числа на *i*. Уже давно идет спор о том, из чего собственно образовался этот признак. В свое время Д. В. Бубрих высказал предположение, что признак *i* образовался из древнего суффикса с местным и собирательным значением. Развивая теорию Д. В. Бубриха, диссертант на богато представленном материале показывает, как именно упомянутый суффикс *ja*, *jä* перешел в признак множественного числа и почему другие мнения о формировании множественного числа на *i* не выдерживают критики.

2. В ходе дальнейшего развития множественного числа в прибалтийско-финских языках особенно важна роль утраты различий между формами единственного и множественного числа. Эти явления приводили к функциональной нечеткости

в основах на *u, ū; o, ō* и *oi, öi*. Восстановление нужных формальных различий шло несколькими путями, из которых прежде всего отмечаются множественное число на *si* и *loi*, а также на *i* с сильной ступенью чередования. Последний тип можно отнести к форме генитива множественного числа, а формы на *si* и *loi* по происхождению следует считать метаналитическими. Так, множественное число на *si* (например, *kanaZil* 'у куп') выделилось из слов на *nen:se*. Признак *si* появился прежде всего в основах на *oi*, откуда он затем проник и в слова других типов. Появление форм на *si* было вызвано наличием смешанного склонения уменьшительных и ласкательных по значению слов (например, ед. ч. *hepoi*: мн. ч. *hepoiset* 'лошадка: лошадки'). Формы множественного числа на *loi* (*verkkoloissa* 'в сетях') получили начало в смешанном склонении уменьшительных по значению слов на *oi* и *lo* в древнекарельском языке (например, ед. ч. **peikoilla*: мн. ч. **peikoloilla* 'на большом пальце: на больших пальцах'). Происхождение *loi, löi* на базе суффикса *la, lä* опровергается.

3. В западнофинских диалектах встречаются формы без признака множественного числа, т. е. они совпадают с формами единственного числа. В остальном все развитие направлено на восстановление признака множественного числа *i* — по примеру форм на *i* в подударной позиции.

4. Уже в прибалтийско-финском языке-основе проявлялась тенденция сохранения звукового состава множественного числа преимущественно в таком же виде, как и в единственном числе, что препятствовало, например, переходу *t* в *s* перед *i*. Эта тенденция стала закономерностью в большей части говоров и наречий финского языка. В редких случаях наблюдается победа основы множественного числа над основой единственного числа.

5. Отклонения от историко-фонетических закономерностей большей частью обусловлены давлением системы. Это давление сглаживало различия между формами множественного числа слов разных типов: в словах с основой на *a* формы множественного числа с *oi* переходят из двусложных именных основ в трех- и многосложные слова; различия между склонением слов на *ek* и *eh* к нашему времени

исчезли; образовались смешанные парадигмы и т. д.

6. Наибольшее количество морфолого-фонетических вариантов наблюдается в генитиве, партитиве и иллативе. Звуковые закономерности определяют процесс развития форм этих трех падежей сравнительно в небольшой степени, а давление системы сказывалось по-разному. Здесь сыграла свою роль и частотность двусложных слов, а также выразительность самого падежного окончания. Кроме указанных факторов, в процессе окончательного становления современных литературных форм упомянутых трех падежей участвует и чувство стиля. Например, из параллельных форм генитива отошел на задний план тип *lintuin* 'птиц' (с основой единственного числа), а также формы типа *sankarten* 'героев' (с основой на согласный), которые применимы только при высоком или поэтическом стиле. Сдвиги такого же порядка наблюдаются и в партитиве и в иллативе.

7. До сих пор в грамматиках и словарях финского литературного языка сохранялась параллельная основа множественного числа прилагательных на *eda*, например, партитив *korkeoita* (~ *korkeita*). Автор диссертации приходит к выводу, что эту искусственную и малоупотребительную форму следует исключить из нормативной грамматики; вместо нее следует употреблять форму *korkioita*, но и ее только в поэтическом языке.

8. Можно ли предвидеть, в каком направлении будет развиваться деклинационные типы современного литературного языка? Ответ на этот вопрос положительный, но прогнозы будут достоверны только при сочетании сравнительно-исторического метода со статистико-числовыми наблюдениями над современным состоянием языка. Этот вывод автора применим также при изучении развития других родственных литературных языков.

9. Что касается количества различных основ множественного числа в отдельных прибалтийско-финских языках, то финский язык занимает тут среднее положение (4 основы). Только две основы в карельском, вепском и ливском языках; в эстонском языке — наибольшее количество основ (7). По типу все основы подразделяются на три группы: 1) *i* в той или иной современной реализации; 2) ос-

новы, образовавшиеся на базе генитива множественного числа; 3) основы, возникшие метаналитическим путем. Множественное число на *i* представляет собой или сохранившую до сих пор закономерную по образованию форму, восстановленную форму или же форму, образованную по аналогии.

10. Нет причин предполагать наряду с множественным числом на *i* наличие в прибалтийско-финских языках множественного числа на *de* с основой единственного числа (несколько иначе обстоит дело только в генитиве множественного числа). Встречающиеся в эстонском и водском языках формы множественного числа на *a* не могут быть возведены по своему происхождению к языку-основе прибалтийско-финской группы.

Итак, главным достижением П. Алврэ является освещение и объяснение истории развития исключительно сложных и запутанных форм множественного числа в финском языке, во всех его диалектах. До сих пор множество форм множественного числа в разных говорах и наречиях создавало даже впечатление о непроходимом лабиринте. П. Алврэ удалось не только показать, как образовались существующие в настоящее время формы и какова связь их с более древним процессом развития диалектов, но также указать на обстоятельства, которые сыграли определенную роль при древних перемещениях народных масс по стране, и объяснить древние связи и языковые взаимоотношения между отдельными территориями.

С точки зрения финно-угроведения труд П. Алврэ — заметный шаг вперед. Поэтому оппоненты П. Аристэ, А. Каск и В. Алтгоа, а также другие советские и иностранные ученые, принявшие участие в обсуждении диссертации, предложили присвоить диссертанту более высокую ученую степень, чем кандидата наук. Совет историко-филологического факультета ТГУ и Ученый совет ТГУ решили ходатайствовать о присвоении Паулю Алврэ ученой степени доктора филологических наук.

II. Чтобы определить место работы М. И. Муллонен в науке о прибалтийско-финских языках, надо иметь в виду, что синтаксис — наиболее слабо разра-

ботанный раздел грамматики этих языков, в том числе и финского. В частности, мало внимания уделено исследованию разных типов предложений. Диссертация М. И. Муллонен посвящена исследованию одного из очень распространенных типов предложений финского языка. Односоставные предложения, как особый тип предложений, до сих пор не являлись предметом специальной научной работы. Поэтому в исследованиях по грамматике финского языка до сих пор нет четкого разграничения между отдельными типами односоставных предложений. Задача данной диссертации — всесторонне исследовать тип глагольных односоставных предложений, классифицировать и охарактеризовать их с точки зрения структуры и значения, рассмотреть их грамматическую природу и функции в языке. Кроме того, автор отграничивает односоставные предложения от некоторых типов двусоставных предложений и устанавливает границы между отдельными подтипами глагольных односоставных. Проанализирован материал из оригинальных литературно-художественных произведений, научной и политической литературы, а также данные фольклора и диалектных записей.

Диссертация состоит из введения, трех основных глав и заключительной части.

Во введении рассматривается вопрос о грамматической природе односоставных предложений и дан критический обзор литературы по исследуемой проблеме не только в финно-угорских, а также в некоторых индоевропейских языках и в общелингвистическом плане. Диссертант характеризует глагольные односоставные предложения следующими чертами: 1) наличие одного главного члена предложения, обозначающего действие и выраженного глаголом; 2) отсутствие конкретного действующего лица. Глагольные односоставные предложения разделены на три подтипа: неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные; в работе они четко разграничены между собой.

Неопределенно-личные предложения рассматриваются в первой главе. Такими диссертант называет односоставные предложения, главный член которых выражен так наз. пассивной формой глагола (а иногда формой 3-го лица мн. числа), а действующее лицо остается неопреде-

ленным. Неопределенно-личные предложения с пассивной формой глагола автор отграничивает от двусоставных предложений типа *Me lähdetään* 'Мы пойдем' (дословно: мы пойдут), а также от тех обобщенно-личных предложений, главный член которых выражен пассивной формой глагола. Затем неопределенно-личные предложения классифицируются по структурному признаку. Во второй главе рассматриваются обобщенно-личные предложения, которые, по убеждению автора диссертации, стоят на одном классификационном уровне с неопределенно-личными и безличными предложениями. Обобщенно-личными диссертант называет такие глагольные односоставные предложения, в которых глагол имеет форму либо 2-го или 3-го лица единственного числа, либо пассива, а по значению предложения действующее лицо мыслится обобщенно: *Opi ensin itse, ennenkuin toista opetat* 'Научись сначала сам, прежде чем другого учишь', *Kahvista talon tuntee* 'Дом узнаешь (узнает) по кофе', *Hedelmästä puu tunnetaan* 'Дерево по плодам узнают'. Здесь действие может относиться к любому лицу или ко всем людям. Далее анализ идет опять-таки по структурным типам.

В третьей главе перед диссертантом стояла проблема отграничения безличных предложений от других. Эта важная глава написана с хорошим знанием дела. Автор считает возможным рассматривать предложения типа *Isän pitää lähteä* 'Отцу нужно идти', *Minua vilustaa* 'Меня зно-

бит' как односоставные безличные. Приведенные примеры представляют основной тип безличных предложений. Для этого типа характерно то, что в качестве главного члена здесь выступает одноличный глагол. (Обычно такие предложения, как *Isän pitää lähteä*, относили к двусоставным.) Подобно одноличным глаголам в безличном значении могут выступать и многие личные глаголы, образуя безличные предложения (*Haavaa polttaa ja kirvelee* 'Рану жжет и щиплет'). В безличных предложениях третьего типа главный член образуется (в терминологии, употребляемой диссертантом) из глагола-связки и предикатива. Это — наиболее продуктивный тип безличных предложений в современном финском языке (*Minun on kylmä* 'Мне холодно', *Hänen on vaikea hengittää* 'Ему трудно дышать').

Автор рассматривает также некоторые типы экзистенциальных предложений с глаголом бытия. В одних исследованиях они считаются личными, в других — безличными. Автор относит их к переходному типу. Кроме того, рассматриваются и некоторые другие спорные случаи разграничения типов предложений.

Возможно, что не все лингвисты согласятся с данной в работе классификацией, но, как подчеркнул оппонент Х. Рятсеп, надо иметь в виду, что это — одно из возможных решений проблемы, притом неплохое и до сих пор единственное целостное.

ХЕНН СААРИ (Таллин)

А. А. Мокань, Венгерские заимствования в мараморошском украинском диалекте Закарпатской области. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1966.

18 ноября 1966 г. на Совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации преподавателем Ленинградского университета А. А. Моканем (Sándor Mokány) на тему «Венгерские заимствования в мараморошском украинском диалекте Закарпатской области». А. А. Мокань занимался в аспирантуре при Тартуском государственном университете под руководством акаде-

мика АН Эстонской ССР П. Аристе (1956—1960). Официальными оппонентами свою оценку работе дали проф. И. А. Дзедзелевский (Ужгород), доц. П. Пальмеос (Тарту) и канд. филол. наук П. Кокла (Таллин).

Диссертация А. А. Моканя — обширная работа, на 540 страницах которой дан разносторонний и основательный разбор венгерских заимствований в мараморошском диалекте украинского языка.